

ВОСТОК

Афро-азиатские общества: история и современность

1991

5

Выходит 6 раз в год

Основан в январе 1955 г.

В 1955—1958 гг. выходил под названием «СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

В 1959—1961 гг. выходил под названием «ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ»

В 1961—1990 гг. выходил под названием «НАРОДЫ АЗИИ И АФРИКИ»

Р е д к о л л е г и я

Л. Б. АЛАЕВ
главный редактор
Ю. Г. АЛЕКСАНДРОВ
В. М. АЛПАТОВ
В. И. БРАГИНСКИЙ
А. М. ВАСИЛЬЕВ
В. И. ГЛУНИН
А. В. ГУДЫМЕНКО
зам. главного редактора
А. Б. ДАВИДСОН
А. А. КУЦЕНКОВ
Б. А. ЛИТВИНСКИЙ
А. В. МЕЛИКСЕТОВ
А. М. МОДЕЛЬ
отв. секретарь
Н. И. НИКУЛИН
Э. Е. ОБМИНСКИЙ
Ю. М. ОСИПОВ
И. В. СЛЕДЗЕВСКИЙ
В. Г. ХОРОС
Г. И. ЧУФРИН
В. Л. ШЕЙНИС
Ф. Н. ЮРЛОВ
В. А. ЯКОВСОН

Р е д а к ц и я

В. В. ЗУФАРОВА
Л. С. КАЛЕНОВА
ред. отдела культуры и идеологии
Р. Г. КАНТОРОВИЧ
ред. отдела критики и библиографии
А. Б. КОВЕЛЬМАН
ред. отдела истории
С. С. НИКИФОРОВА
ред. отдела «Научная жизнь»
Н. Г. САБУРОВА
В. Н. СОКОЛОВА

Технический редактор
Г. А. НИКИТИНА

Москва
«НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

СРЕДНЯЯ АЗИЯ: СПЕЦИФИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СЛАБОРАЗВИТОСТИ

© 1991

Ю. Г. АЛЕКСАНДРОВ

«Почему 9 миллионов жителей Узбекистана живут ниже черты бедности, что будет с ними при переходе к рынку? И поверьте, это не самые трудные вопросы» (Из выступления Президента Узбекистана И. А. Каримова на IV Съезде народных депутатов СССР.)

Исследователь экономических и социальных проблем развивающихся стран обнаружит в среднеазиатском регионе характерные черты **экономической слабости**, т. е. совокупности факторов, препятствующих переходу к самоподдерживающемуся и сбалансированному экономическому росту, а также к формированию социальной структуры индустриального общества. Можно назвать несколько признаков этого феномена. Во-первых, дезинтегрированность экономической структуры, по самым разным направлениям препятствующую распространению в экономическом пространстве импульсов к развитию производительных сил. Во-вторых, низкую мобильность рабочей силы, земельных, капитальных и других ресурсов, не допускающую становления оптимальных отраслевых пропорций и форм производства. В-третьих, низкую производительность труда, перенаселенность, массовую бедность, плохое качественное состояние трудовых ресурсов. В-четвертых, острый экологический кризис на фоне незавершенного развития индустриальной системы производительных сил.

Все это можно наблюдать в Средней Азии. Во многих отношениях проблематика экономической слабости и ее преодоления там весьма специфична, как и породившие ее причины. Вместе с тем при всей местной специфике среднеазиатской проблематики ее нельзя понять вне контекста экономической системы всего Союза.

СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ ЭКОНОМИКА КАК ПЕРИФЕРИЯ ЭКОНОМИКИ СОЮЗА

В 60—80-е годы в автаркически замкнутой нерыночной экономике СССР наблюдались подспудные изменения в механизме принятия принципиальных решений. Разрастание хозяйственного аппарата и укрепление мощи отраслевых ведомств вели к двоякого рода последствиям. Во-первых, усиливалась перегрузка центра — падение его способности контролировать все звенья хозяйственной системы, основанной на централизованном распределении и перераспределении хозяйственных ресурсов. Во-вторых, материальные производительные силы отраслевых сверхмонополий, коими и являются центральные государственные экономические ведомства, инерцией своего развития все сильнее подавляли прочие элементы хозяйства.

Экстенсивный рост ведомственных монополий, в идеале подчиненный некоей общей цели, на самом деле приобретал самодовлеющее значение. При этом на первый план стали выходить именно те отрасли, которые обеспечивают такой рост за счет непрерывного освоения все новых и новых ресурсов. Это так называемые базовые отрасли, в основном занятые созданием материальных предпосылок для развития производственного аппарата. Их самостоятельные интересы переплетались с интересами регионального руководства, которое связывало с крупными хозяйственными проектами расчеты на приток крупных государственных ассигнований, равно как и политические надежды. Как следствие, внутри союзной системы принятия решений сформировались мощные центры частных интересов и давления, включавшие также элементы надотраслевого и надрегионального хозяйственного и политического аппарата. Скрытый лоббизм и корруп-

ция стали оказывать ощутимое воздействие на выбор стратегии развития и на конкретные решения¹.

Итак, базовые отрасли, перераспределяя в свою пользу государственные ресурсы, ускорили экстенсивный рост за счет прогрессирующего освоения природных и трудовых ресурсов. Само централизованное перераспределение становящихся все более дефицитными ресурсов осуществлялось по принципу, имеющему мало общего с учетом потребностей населения и получившему удачное название — «бюрократический торг». То было эгоистическое соперничество между отдельными ведомствами и регионами, борьба центристских и центробежных тенденций². И с этой точки зрения кризис, переживаемый Средней Азией, быть может, наиболее полное выражение кризиса всей общественно-хозяйственной системы Союза ССР.

В Средней Азии особенно упрочилась и разрослась глубоко коррумпированная система, ориентированная на монополизм, неограниченные государственные ассигнования и планово-отчетные показатели. Специальные корреспонденты журнала «Коммунист», детально ознакомившиеся с положением в регионе, писали об определенных группах в местном руководстве, чьи интересы «связаны с монокультурой хлопка и тесно смыкаются с интересами водохозяйственников, для которых сокращение посевов под хлопчатник означало бы потерю командных позиций в регионе. Для тех и других единственно возможным путем развития остается экстенсивный, предполагающий освоение все новых и новых площадей, прокладку очередных многокилометровых каналов»³. Ту же мысль высказывают и представители демократических научных кругов Узбекистана в открытом письме, осуждающем попытки политической реабилитации бывшего руководителя Узбекистана Ш. Рашидова: «Монокультура хлопка — это детище и самого Рашидова. Именно под хлопок выбивались дефицит, деньги, а республика — главный поставщик хлопка в стране — развивалась однобоко: выкорчевывались сады, засеивались пастбища, жизнь сельчан, особенно женщин и школьников, превращалась в хлопковую каторгу... Приписки и коррупция, хлопковая мафия, обет молчания и преследования „критиканов“ — все это породили рашидовцы, понимая, что важно одно: красиво отчитаться»⁴. Развитие хлопковой монокультуры утратило рациональную связь с потребностями воспроизводства как централизованной экономики всего Союза, так и региональной экономики Средней Азии, стало фактически неуправляемым.

В конце 80-х годов в среднеазиатских республиках под хлопчатник было занято более половины посевной площади, или 51,7 % — по данным на 1988 г. В том числе: в Таджикистане — 45,7 %, Узбекистане — 56,7, в Туркмении — 69,0 %. На регион приходилось около 90 % хлопка-волокна, производимого в СССР, и 15—20 % мирового производства. Для сравнения: в середине XX в., в период расцвета монокультуры хлопка, в Египте доля хлопчатника в посевной площади не превышала 20 %, а в 80-е годы она понизилась до 10—12 %⁵. В Средней же Азии принцип экстенсивного расширения посевов сохранился в неприкосновенности до самого последнего времени. Даже в 80-е годы, включая их вторую половину, когда катастрофическое положение в регионе было уже признано официально, принцип этот продолжал действовать. За 1980—1988 гг. посевы

¹ По данным Е. Гайдара и В. Ярошенко, проанализировавших эту тенденцию, в 1987 г. полная сметная стоимость производственного строительства нескольких «базовых» министерств (энергетика, нефтяная промышленность, водное хозяйство, черная и цветная металлургия, минеральные удобрения) составляла 330 млрд. руб., а министерства приборостроения — всего лишь 1,9 млрд., химической промышленности — 4,3 млрд., легкой — 5,9 млрд. руб. По площади искусственных водохранилищ при гидроэлектростанциях СССР добился мирового первенства, а по промышленному потреблению электроэнергии достиг в 1985 г. уровня США (Е. Гайдар, В. Ярошенко. Нулевой цикл. Анализ механизма ведомственной экспансии. — Коммунист. 1988, № 8, с. 76—77).

² Об этом см.: А. Илларионов. Рынок Евразии: нелегальный плюрализм советской экономики. — Век XX и мир. 1990, № 6, с. 10.

³ А. Васильев, М. Кранс. Арал: варианты решений. — Коммунист, 1990, № 2, с. 64.

⁴ Известия. 5.II.1991.

⁵ Ср.: Агропромышленный комплекс СССР. Статистический сборник. М., 1990, с. 53, 59, 67, 73, 92; Египет: географическая справка. М., 1989, с. 5.

хлопчатника возросли в Узбекистане с 1828 до 2017 тыс. га, в Туркмении — с 508 до 636 тыс., а в Таджикистане — с 308 до 320 тыс. га. Между тем ввод новых орошаемых земель прогрессивно сокращался, а урожайность хлопчатника оставалась примерно на одном уровне или снижалась⁶. По силе давления на земельные и водные ресурсы хлопковое хозяйство не имеет аналогов в СССР⁷. И экологическая катастрофа, уже происшедшая в Приаралье и близящаяся в других частях региона, — закономерное следствие этого давления.

Обеспечить столь высокий уровень хлопковой монокультуры оказалось возможным только благодаря колхозно-совхозному строю сельского хозяйства. В СССР среди множества других иллюзий относительно реального характера социалистической экономики существует и такая, будто колхозы и совхозы — это современные крупные сельскохозяйственные предприятия, эффективной работе которых препятствует лишь нечто внешнее: государственная эксплуатация, отсасывание рабочей силы в промышленность и слабое материально-техническое снабжение. Сейчас такую позицию отстаивают «аграрники» — представители организованного движения руководителей сельскохозяйственных предприятий и аппарата управления агропромышленным комплексом. В действительности колхозы и совхозы представляют собой органическую часть централизованной распределительной экономики. И отнюдь не только в том смысле, что входящие в нее предприятия находятся в системе государственной собственности, нерыночного снабжения и поставок продукции, но и с точки зрения организации самого производственного процесса.

Фактические производственные задачи колхозов и совхозов сводятся к посеву и выращиванию сельскохозяйственных культур в соответствии с разверсткой по регионам государственных плановых заданий. А вот уборка урожая, по существу, в число этих задач не входит. «Уборка — дело всенародное» — гласит лозунг, хорошо знакомый советским людям. Тем самым признается, что в СССР, где отсутствует рынок труда и крайне низка мобильность всех прочих производственных факторов в сельском хозяйстве, невозможно решить проблему обеспечения сезонных трудовых потребностей крупных сельскохозяйственных предприятий их собственными силами. Задачу эту до самого последнего времени брало на себя государство, эксплуатировавшее конституционную обязанность труда для граждан и свое право определять источники общественного полезного труда в противоположность «нетрудовым доходам», а также осуществлять контроль за мерой труда и потребления.

Именно ведомственный экспансионизм, развернувшийся с благословения центрального хозяйственного и политического руководства, вместе с принудительной мобилизацией трудовых ресурсов местными властями создали невиданный феномен среднеазиатской хлопковой монокультуры. Восторжествовал принцип: все силы села — на выращивание хлопка, все силы республик — на его уборку. Применение на хлопкоуборочных работах ежегодно в течение нескольких месяцев огромной армии фактически принудительного труда (включая детский) стало крайним выражением присущей административно-командной системе экономики закономерности: использовать дешевую рабочую силу для экстенсивного наращивания материальных элементов производительных сил и максимизации продукта безотносительно к экономическим показателям эффективности производства и качества продукции. Особенность Средней Азии в данном случае заключалась лишь в наличии более благоприятных, по сравнению с другими регионами, социально-политических условий для массовой мобилизации сезонного труда.

В итоге утвердился приоритет политических целей при постановке экономических задач, произошел разрыв рациональной связи между планами в области хлопководства и состоянием хозяйственных ресурсов и природной среды, между количественными и качественными характеристиками продукции. Значительная

⁶ Агропромышленный комплекс СССР, с. 92, 148.

⁷ «В Хорезме хлопок можно увидеть повсюду. Он вклинивается в городские кварталы, подступает к самой кромке дорог. . . Хлопковые поля стали неотъемлемой частью не только местного пейзажа, но и образа жизни. И не смена времен года определяет ее ритм, а степень созревания хлопковых коробочек» (А. Васильев, М. Кранс. Указ. соч., с. 63).

часть производимого в регионе хлопка идет на экспорт через союзный центр. Так, в Узбекистане из более 2 млн. га орошаемых земель под хлопчатником около 1,9 млн. отведены под продукцию для общесоюзных поставок, в том числе 0,7 млн. га — для экспортных поставок. За пределами Туркмении перерабатывается свыше 90 % производимого республикой хлопка, столько же — шерсти, 70 % — шелка-сырца⁸. Более половины занятых в общественном секторе экономики Средней Азии трудятся ради производства продукта, отчуждаемого у республик. При таком разрыве между экономическими интересами центра и республик в рыночной экономике формальные плановые и отчетные показатели возобладали над самим производством, что открыло широкие возможности для приписок, хищений и других злоупотреблений⁹.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПАРАДОКСЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

По мере своего утверждения однобокая хлопковая ориентация экономики все более деформировала социальное развитие региона, подрывала тот фундамент, на который планово-распределительная система только и могла опираться в своих усилиях поддерживать непрерывный экономический рост. Можно сказать, что в Средней Азии, с ее особо уязвимой природной средой, противоречия между ресурсопожирающим экономическим ростом и его природной базой, между сферой этого роста и остальной экономикой, между общественным производством, организованным на привнесенных извне принципах, и местным социальным организмом достигли предельно опасной черты.

Сама хозяйственная структура в регионе приобрела ярко выраженный аграрно-сырьевой характер с упором на гипертрофированное развитие первичной производственной сферы. По данным на 1988 г., в сельском хозяйстве было занято: в Узбекистане — 50,1 % рабочей силы, Таджикистане — 55,0, Туркмении — 53,4, в Киргизии, где хлопковый комплекс развит слабее, — 44,6 %. И это против 25,7 % в среднем по СССР и 19,2 % в РСФСР. Доля отрасли в ВВП среднеазиатских республик тоже заметно превосходит соответствующий показатель для других регионов: от 21,3 % в Узбекистане до 24,1 % в Туркмении сравнительно с 13,2 % в РСФСР и 16,3 % в среднем по СССР. Средняя Азия отстает и по показателям развития промышленности: в регионе в ней занято рабочей силы от 14,5 % в Туркмении до 26,8 % в Киргизии, тогда как в РСФСР — 43,3, в СССР в целом — 39,2 %¹⁰.

Равным образом низок уровень индустриализации самого сельского хозяйства. По уровню фондовооруженности труда в отрасли среднеазиатские республики выглядят следующим образом (СССР=100): Таджикистан — 43,9, Туркмения — 64,8, Узбекистан — 65,0, Киргизия — 66,7. Электровооруженность труда (в расчете на среднестатистического работника, занятого в производстве) в основных хлопкопроизводящих республиках составляет в Туркмении 19 %, Узбекистане — 32 и в Таджикистане — 34 %. Неудивительно, что производительность труда в сельском хозяйстве (в расчете на одного занятого) равнялась 54,8 % от союзного уровня в Таджикской ССР, 68,1 — в Узбекской и Киргизской и 85,8 % — в Туркменской ССР. Для сравнения: в РСФСР она достигала 163 %, в Казахстане — 156,1 %. Даже на фоне общего для СССР низкого уровня развития промышленных элементов агропромышленного комплекса среднеазиатские республики выделяются своим отставанием. Например, на отрасли сельскохозяйственного производства и промышленной переработки продукции в 1988 г. приходилось занятых: в Эстонии — 56,4 и 12,0 %, РСФСР — 62,9 и 10,0, Узбекистане — 70,8 и 4,6,

⁸ С. Зиядуллаев. Развитие производительных сил Узбекистана. — Вопросы экономики. 1989, № 5, с. 9, 36.

⁹ Один из характерных способов приписок — сокрытие части посевных площадей хлопчатника от отчетности, с тем чтобы впоследствии показать более высокий выход продукции. В 1987 г. в Узбекистане выявлено 230 тыс. га таких земель (там же, с. 31).

¹⁰ А. Илларионов. Экономический потенциал и уровни экономического развития союзных республик. — Вопросы экономики. 1989, № 5, с. 50, 57.

Киргизии — 76,8 и 4,6, Таджикистане — 83,6 и 3,3, в Туркмении — 86,4 и всего только 3,2 % ¹¹.

Исчерпание запасов одних ресурсов и прогрессирующее ухудшение состояния других неизбежно повлекли за собой деградацию отрасли, включая хлопковый комплекс. Темпы общего прироста производства в сельском хозяйстве неуклонно снижались. Так, в Узбекистане за 1971—1975 гг. прирост составил 3,3 %, за 1981—1985 гг. — всего 0,2 %. При расширении посевных площадей происходило сокращение производства хлопка в Узбекистане и Таджикистане и заметное замедление темпов прироста в Туркмении. Повсеместно падала урожайность, увеличивалась себестоимость продукции ¹².

В конечном счете экономика региона осталась значительно слабее других регионов, затронутых индустриализацией, которая осуществлялась в СССР с ярко выраженным акцентом на наращивание основных производственных фондов. Более того, оказались подорванными потенциальные источники накопления за пределами самого индустриального сектора, равно как и возможности природной среды. Одновременно высокой степени достигла дезинтегрированность местной производственной структуры. Она вообще характерна для экономики страны с ее отраслевыми монополиями и возвышающимся надо всеми центром, а в Средней Азии особенно велика из-за почти полного включения хлопкового комплекса в союзную экономику.

Концентрированным выражением социальных последствий дезинтегрированности местной экономики стала **проблема занятости**. Вероятно, в ближайшем будущем экономические реформы резко обострят эту проблему и во многих других регионах страны, но такой вид, как в Средней Азии, она вряд ли где-нибудь еще примет. Обычно проблему занятости в Средней Азии напрямую связывают с очень высокими темпами прироста местного населения. И действительно, только за период 1970—1987 гг. население региона возросло на 58,3 % (в СССР в целом — на 16,5 %) ¹³. Тем не менее на первый план здесь явно выходят социальные причины перенаселенности и бедности, и они же препятствуют установлению рациональной взаимосвязи между экономическим и демографическим ростом ¹⁴.

Даже учитывая традиционный для Востока высокий уровень рождаемости населения, можно утверждать, что демографический фактор всего лишь звено в цепи связанных друг с другом причин резкого обострения проблемы занятости в среднеазиатских республиках. Главная из них — нарушение нормальных условий воспроизводства местного хозяйственного и социального организма, первоначально вызванное коллективизацией сельского хозяйства, а затем усугубленное внедрением хлопковой монокультуры.

Прежде всего, следует обратить внимание на то мощное дестабилизирующее воздействие, которое продолжает оказывать на трудовые ресурсы и способы их включения в общественное производство практика стягивания хозяйственных ресурсов в хлопководство. Систематический рост применения в этой сфере низкооплачиваемого принудительного сезонного труда означал подчинение использования рабочей силы архаическому принципу неограниченного расходования живого труда безотносительно к его производительности (как индивидуальной, так и предельной). В результате этого в сфере экономической активности и сельского и городского населения возникли парадоксальные противоречия. В их числе — низкий уровень занятости сельского населения в общественном (колхозно-совхозном) секторе при необходимости привлекать массу сезонного труда из городов и нехватка рабочих рук на многих промышленных предприятиях и в гражданском строительстве при высоком уровне городской безработицы.

Коллективизация и централизованное планирование внесли в жизнь деревни противоречие, не получившее пока должной оценки. Оно — следствие искусствен-

¹¹ Агропромышленный комплекс СССР, с. 20, 127; А. Илларионов. Экономический потенциал и уровни экономического развития союзных республик, с. 51—52.

¹² С. Зиядуллаев. Указ. соч., с. 31; Агропромышленный комплекс СССР, с. 43, 92—93.

¹³ С. Зиядуллаев. Указ. соч., с. 33.

¹⁴ О принципах такой взаимосвязи в развивающихся странах см.: Ю. Г. Александров. Аграрное перенаселение в странах Востока. М., 1988.

ного совмещения двух экономических систем. Каждая из них отличается высокой трудоемкостью (как это обычно для орошаемого земледелия), но у них не совпадают социальные принципы организации труда и плохо совмещаются сроки мобилизации рабочей силы. С распространением хлопковой монокультуры, отличающейся очень высокой трудоемкостью на протяжении всего сельскохозяйственного цикла, а особенно на уборочных работах, этот антагонизм неуклонно усиливался. Наряду с ним возникла и конкуренция на землю и воду, крайне опасная с экологической точки зрения в зонах орошаемого земледелия с их неустойчивой природной средой.

Противоречие между двумя экономическими системами грозило нарушить нормальное воспроизводство всего социального организма и подготавливало условия для его разрушения в результате экологического кризиса. Своеобразным ответом на это стали различные формы адаптации местного сельского населения к новым условиям. С этой точки зрения феномен современной среднеазиатской деревни имеет немало общего с хорошо исследованным примером внедрения голландских сахарных заводов и плантаций в сердцевины крестьянской экономики на Яве. Сам способ внедрения в форме так называемой «конверсии» напоминает ситуацию в Средней Азии: выращивание сахарного тростника на части земель, временно отторгаемой у сельской общины, предполагалось интегрировать в систему ее воспроизводства. Голландцы рассчитывали, что часть сельского населения постоянно или сезонно будет занята на плантациях и сахарных заводах. На практике такое нарушение традиционных условий воспроизводства общины обернулось аккумуляцией аграрного перенаселения внутри законсервировавшихся традиционных социальных структур¹⁵.

При всех отличиях среднеазиатской ситуации, с яванской ее роднит то, что противоречия, внесенные в местную хозяйственную и социальную структуру внешним агентом изменений, породили многообразные способы приспособления традиционного общества к навязанным ему формам экономических отношений. В целом это приспособление приняло вид экономического и социального симбиоза между типами хозяйств — колхозно-совхозными и семейными крестьянскими, формально считающимися подсобными хозяйствами работников, занятых в хозяйствах первого типа.

В Средней Азии этот феномен изучался методом многолетних полевых исследований С. П. Поляковым. Приводимые им материалы вполне определенно указывают на сложный характер приспособления сельского населения к сложившимся обстоятельствам, главным из которых можно считать неспособность колхозно-совхозного сектора как элемента централизованной экономики обеспечить нормальное воспроизводство крестьянской семьи и деревенской общности в целом. К тому же растущее аграрное перенаселение и механизация производства ведут к относительному сокращению количества рабочих мест в хозяйствах. По данным С. П. Полякова, уровень участия сельского населения в общественном секторе весьма низок; в некоторых из обследованных районов он едва достигает 20 %. Но в то же время практически все взрослые семейные мужчины числятся рабочими в колхозах и совхозах, что дает им право на получение приусадебного участка, который и является основной хозяйственной базой семьи. Поэтому сельскохозяйственные предприятия обычно испытывают серьезные затруднения в обеспечении не только сезонных, но и в какой-то мере постоянных потребностей в рабочей силе¹⁶.

Здесь, следовательно, мы сталкиваемся со специфической ситуацией: если во многих других регионах СССР государственный сектор разрушает традиционную сельскую социальную организацию, то в Средней Азии это она, модифицируясь, сохраняется в своих фундаментальных основах и, более того, отчасти приспособливается к своим нуждам государственный сектор. Источником ее прочности

¹⁵ Этот феномен блестяще исследован К. Гиртцем. См.: *Cl. Geertz. Agricultural Involution: The Process of Ecological Change in Indonesia*. Berkley, 1966.

¹⁶ С. П. Поляков. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М., 1989, с. 31—32.

оказывается семейное хозяйство, которое приобрело товарный характер и дает семье доход, превышающий заработки в общественном секторе. Основную рабочую силу семьи составляют женщины и дети, в то время как взрослые мужчины заняты отчасти в общественном секторе, а отчасти торговлей и добытием дефицитных потребительских товаров. Значительная часть хозяйственных работ на приусадебных участках — особенно при обработке земли, транспортировке урожая на хранение и для реализации — производится за счет легального или нелегального использования общественного сектора (средства механизации, транспорт и т. п.)¹⁷.

Последний феномен, вообще говоря, свойствен хозяйственной системе СССР в целом. Под покровом официальной нерыночной экономики стихийно сплелась паутина неформальных хозяйственных связей, играющих важную роль в воспроизводстве всего экономического и социального организма. Она выразительно описана публицистами, но пока еще сколько-нибудь серьезно не анализировалась средствами политэкономии, не рассматривалась с точки зрения ее соотношения и связи с формальной экономикой в рамках единой социально-экономической структуры страны.

Специфика этого феномена в Средней Азии заключается в большей, чем где-либо еще, прочности традиционной сельской социальной организации. Но одновременно — и в мощном разрушительном воздействии монокультуры хлопка на окружающую среду, подрывающем основы ее существования. Как ни приспособлена деревня к аккумуляции перенаселения, она не может не испытывать его возрастающего давления. Причем рост перенаселения вовсе не удовлетворяет потребностей колхозов и совхозов в сезонном труде. Наоборот, сельские жители всячески уклоняются от участия в сборе хлопка. И эта проблема не решается простым повышением оплаты труда на уборочных работах, поскольку главное здесь — не в ней, а в отсутствии взаимоувязанности воспроизводства общественного хозяйства и традиционного крестьянского.

Более того, одновременное сохранение в Средней Азии архаических принципов соединения рабочей силы в сельском хозяйстве с другими факторами производства (что выражается прежде всего в принудительной мобилизации сезонного труда, не дифференцирующегося по индивидуальной и предельной производительности) и традиционной социальной организации деревни препятствует повышению мобилизации аграрных трудовых ресурсов и их качественной трансформации в соответствии с требованиями индустриальной экономики¹⁸. Происходит рост скрытого аграрного перенаселения, а это существенным образом сказывается на социально-экономическом положении в городах. В них возникает еще один парадокс сегодняшней Средней Азии — высокий уровень городской безработицы при наличии немалого количества рабочих мест на промышленных предприятиях и в строительстве.

Значительная часть городских трудовых ресурсов сохраняет связь с деревней и предпочитает сезонную несельскохозяйственную занятость на мелких предприятиях. Формирование слоя местных кадровых рабочих сдерживается также ограниченностью продовольственного и жилого фонда в городах, низким уровнем профессиональной подготовки и ухудшающимися физическими характеристиками местных трудовых ресурсов¹⁹. Индустриальные производства сильно зависят от рабочей силы из некоренного населения, отлив которого чреват серьезной угрозой для местной экономики и отнюдь не может способствовать рассасыванию безработицы среди коренного населения.

Таким образом, в Средней Азии можно наблюдать в наиболее открытой форме крах принятой в СССР стратегии экономического развития и обеспечения всеоб-

¹⁷ Там же, с. 18, 29.

¹⁸ В Средней Азии, в Казахстане и Азербайджане в сфере семейного сельского хозяйства оседает в 3—4 раза больше выпускников школ, чем в РСФСР (Вопросы экономики. 1989, № 5, с. 17).

¹⁹ Среднеазиатские республики существенно отстают от среднесоюзного уровня по потреблению мяса, молока, картофеля, сокращается потребление овощей и фруктов, значительно хуже обеспеченность жилой площадью, коммунальными услугами, дорогами с твердым покрытием (Агропромышленный комплекс СССР, с. 102—107, 152—167).

щей занятости населения²⁰. Той самой стратегии, которая в течение длительного времени опиралась на экстенсивные факторы хозяйственного роста и на принцип социального обезличивания индивидуального трудового вклада.

В отличие от развивающихся стран, где рыночные отношения, при всех их изъянах, все же образуют несущий каркас экономической структуры, в Средней Азии с ее нерыночной формальной (или официальной) экономикой, с одной стороны, и лишенной возможностей для свободного развития неформальной (скрытой, нелегальной) экономической активностью — с другой, наличие аграрного перенаселения и городской безработицы не оказывает прямого влияния на тенденции развития индустриального сектора. В развивающихся странах фактор перенаселения дал вначале толчок формированию современных фондоемких промышленных производств (в расчете на дефицит квалифицированной рабочей силы), затем — переходу к стратегии трудоемкой индустриализации и стремительному росту неформальной (но легальной) городской экономики. В Средней Азии перенаселение давит главным образом на социальную сферу, но давит чисто негативно, не провоцируя (во всяком случае, в настоящее время) какие-то обнадеживающие экономические и социальные сдвиги.

В городах, не говоря уже о деревне, не складываются предпосылки формирования классовой структуры индустриального общества²¹. Вместо этого утверждаются (в модифицированном виде) различные элементы традиционной социальной организации. Под покровом формализованных, квазисовременных институтов укрепляются клановые связи, отношения патроната. В то же время процессы общественной дезинтеграции и рост городской безработицы (от которой сильнее всего страдает молодежь) вызывают массовую маргинализацию населения. Это ведет к падению общественной морали, к созданию криминогенной среды, обволакивающей и использующей для самоорганизации авторитетные традиционные институты²². Питательной криминогенной средой стала и теневая экономическая деятельность, пустившая глубокие корни во всех сферах хозяйственной жизни региона.

ПРОБЛЕМА ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА СЛАБОРАЗВИТОСТИ

Вышеизложенным не исчерпывается, конечно, анализ положения в Средней Азии. Этот анализ необходимо продолжить и углубить. Но уже сейчас, в самой предварительной форме, можно было бы оценить реальные направления выхода из кризиса слаборазвитости в данном регионе.

Прежде всего, становится очевидной необходимость как можно скорее приступить к осуществлению экономических и социальных преобразований. Их цель — преодолеть ресурсопожирающую тенденцию развития экономики, сформировать оптимальную хозяйственную структуру и активизировать всю ту огромную массу населения, которая образует реальные и потенциальные трудовые ресурсы. Как относительно самостоятельная и уже превращающаяся в решающую стоит задача спасения окружающей среды, т. е. в конечном счете жизни и генофонда местного населения.

Судьба и конкретная стратегия любой глубокой экономической реформы во многом зависят от того, насколько велик запас прочности общества, его способности, не разрушаясь, не разрывая преемственной связи с прошлым, выдерживать масштабные преобразования хозяйственной структуры и отношений собственности, способов формирования доходов населения. Если взглянуть с этой точки зрения не только на Среднюю Азию, но и на весь Советский Союз, то мы увидим драмати-

²⁰ Этот вид занятости не следует смешивать с понятием полной производительной занятости, соответствующей критериям рыночной экономики.

²¹ Подробнее об этом см. статью В. Н. Уляхина в настоящем номере.

²² «Мы вырастили страшную молодежь, — посетовал председатель Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана муфтий Мухаммед Садик Мухаммед-Юсуф. — Она ставит ни в грош ни старших, ни религию, ни закон. Она понятия не имеет ни о нравственности, ни о степени ценности чужой жизни. Я жалею их, а не проклинаю, ибо их прокляла вся наша жизнь» (Литературная газета. 19.XII.1990).

ческую ограниченность такого запаса прочности. И это вполне понятно. Сама идея перестройки зародилась еще в 60-е годы как результат осознания бесперспективности дальнейшего экстенсивного экономического развития при быстром сокращении свободных хозяйственных ресурсов. Еще примерно четверть века страна по инерции двигалась по старому пути, используя в качестве амортизаторов нараставших противоречий огромный экспорт невозобновимых минеральных ресурсов и не менее огромный импорт продовольствия, потребительских товаров, а также некоторых передовых технологий.

Если бы перестройка началась в 60-е годы, то она, безусловно, пошла бы легче. Теперь же ресурсы, необходимые для экономического и социального маневра в ходе преобразований, исчерпаны или близки к исчерпанию. Нет мобильных резервов рабочей силы и капитальных ресурсов. Недостаточно развиты индустриальные производительные силы, но уже достигла кризисного состояния экологическая обстановка. Зависимость доходов основной части населения от состояния дел в общественном секторе хозяйства обернулась его массовой бедностью, что резко ослабляет устойчивость общества в момент движения к рыночной экономике. На этом общем фоне среднеазиатский регион отличают: перерастание экологического кризиса в региональную, а в Приаралье — глобальную по масштабам катастрофу; крайняя напряженность хозяйственных ресурсов; особо низкая мобильность рабочей силы при быстром демографическом росте; и, наконец, чрезвычайно низкий уровень жизни большинства населения.

Но и в столь драматической ситуации можно рассчитывать на наличие каких-то резервов, которые не только позволили бы облегчить тяжесть перестройки, но и таят в себе определенный потенциал экономического и социального прогресса. В российских регионах СССР это, например, пустующие или плохо используемые сельскохозяйственные угодья. В Средней Азии это, во-первых, возможность рационализировать структуру посевных площадей за счет сокращения посевов хлопчатника, во-вторых, высокая живучесть, внутренняя прочность, гибкость и приспособляемость социальной организации, особенно в сельской местности. Её умение аккумулировать аграрное перенаселение и обеспечивать сосуществование формальной и неформальной экономической деятельности может сыграть важную роль в активизации трудовых ресурсов местного общества в условиях общего хозяйственного оживления.

В сущности, это та же самая проблема, с которой в свое время столкнулись многие развивающиеся страны (прежде всего страны Южной и Юго-Восточной Азии). В своих усилиях преодолеть состояние дезинтегрированности современного и традиционного секторов хозяйства и депрессивное воздействие перенаселения на экономический рост они нашли, как представляется, адекватный стратегический подход. Он заключается в повышении экономической активности населения, сконцентрированного в самой толще традиционных социальных структур, и в одновременном сохранении за этими структурами институционально обеспечиваемой защитной функции. Создавались также новые общественные институты, одной из важнейших задач которых было смягчение перегрузок, возникавших вследствие всевозможных дисбалансов, создаваемых ходом экономических преобразований.

Так и в среднеазиатском регионе проблемы перестройки требуют не **технократического**, а **гуманитарного** подхода. Уточню: технократический подход в данном случае означает стремление осмыслить любую проблему в категориях нехваток и избытков, а потому предполагает, как и прежде, новое перераспределение делающихся все более дефицитными ресурсов. Гуманитарный — ставит во главу угла человека в его конкретной социальности, человека как субъекта хозяйственной деятельности, которому политика государства лишь помогает раскрыть его потенциальные возможности.

Стремление подменить глубокие экономические и социальные преобразования волевым перераспределением ресурсов, к тому же непременно осуществляемым через центр, страшющийся утратить иначе свои властные prerogatives, препятствует перестройке в масштабах всей страны. Оно характерно, например, для водохозяйственных ведомств, а также для многих руководителей колхозов и совхозов, представителей высших звеньев АПК. В Средней Азии привлекательность

идей, отражающих это стремление, особенно велика из-за тяжелой экологической ситуации и ограниченности местных капитальных ресурсов²³. Поэтому в руководящих государственных инстанциях и научных учреждениях продолжают обсуждаться гигантские водохозяйственные проекты: уже ставший одиозным план поворота северных рек, планы прокладки канала из Каспийского моря и увеличения стока среднеазиатских рек путем «зачернения» поверхности питающих их в истоках ледников²⁴.

Эти проекты, конечно, неприемлемы. Я не оспариваю саму необходимость капиталовложений, даже очень крупных, направленных на предотвращение экологической катастрофы в регионе и на удовлетворение элементарных потребностей его жителей. Речь идет о другом — о столь же актуальной необходимости отказаться от практики ресурсопожирающего экономического роста и от идеологии технократизма. Если говорить более конкретно, необходимо преодолеть инерцию отношения к природно-хозяйственным ресурсам как к не имеющим стоимости, а значит, как бы неограниченным и легко возобновляемым. Здесь нет смысла углубляться в природу данных представлений — достаточно отметить, что они вытекают из вульгарной трактовки трудовой теории стоимости и сводят идею развития производительных сил к простому наращиванию их материально-технических элементов. Важно увидеть также органическую связь идеологии технократизма со стратегией пресловутого «преобразования природы» и внедрения монокультуры хлопка в регионе.

Разумеется, для Средней Азии актуален и путь индустриализации — прежде всего развития различных трудоемких производств в тех отраслях, где имеется возможность использовать сравнительно низкоквалифицированную местную рабочую силу и местное же сырье или где не требуется большой сырьевой импорт. Решение этой задачи затрудняется ограниченными возможностями перераспределения в пользу региона капитальных ресурсов союзной экономики. Тем понятнее стремление среднеазиатских республик получить сейчас в свое распоряжение хотя бы сверхплановые излишки хлопка для свободной реализации, расширять свои права в сфере внешнеэкономической деятельности, устанавливать двусторонние связи с сопредельными странами, создавать свободные экономические зоны²⁵. И все же ключ к решению проблем региона — это **оживление его аграрной экономики**.

Межведомственная комиссия под руководством акад. А. Г. Аганбегяна, разрабатывая концепцию социально-экономического развития Калмыцкой АССР, подчеркнула необходимость бороться не со следствиями, а с причинами экологической катастрофы, «преодолеть существующие ныне противоречия в системе „природа — хозяйство — население“, отказавшись от экстенсивного, затратного способа развития и перейдя к экологически обоснованным средствам природопользования, включающим определенные традиционные способы хозяйствования на земле»²⁶. И это очень верно. Но в целом проблема еще масштабнее. Главное — отойти от системы, в которой пределы легальной экономической активности населения устанавливаются масштабами развития материальных производительных сил в общественном секторе, контролирующем основные факторы производства и в сельской и в городской экономике.

С этой точки зрения первостепенное значение в настоящее время имеет решение двух взаимосвязанных задач. Первая из них — это **укрепление семейного хозяйства** (прежде всего членов колхозов и совхозов), а также зарождающейся прослойки самостоятельных фермеров. Именно такое хозяйство, будучи центром социальной организации сельского населения, способно сгладить и погасить негативный социальный эффект перехода к рыночной экономике и в то же время **расши-**

²³ Недавно Верховный Совет Туркмении обратился непосредственно к Президенту СССР с просьбой изыскать средства для помощи населению и строительства водохозяйственных объектов в терпящей экологическое бедствие Ташаузской области (Известия. 24.XI.1990).

²⁴ А. Васильев, М. Кранс. В чем спешить и в чем не надо (Коммунист. 1990, № 12, с. 127).

²⁵ См., например, решение горсовета Самарканда о придании городу статуса свободной экономической зоны (Известия. 3.I.1991).

²⁶ А. Васильев, М. Кранс. Указ. соч., с. 126.

рять базу товарного производства аграрной продукции и рыночных отношений. Вторая — диверсификация сельского хозяйства, преодоление монокультуры хлопка, расширение посевов культур, пользующихся спросом на потребительских рынках региона. Это сыграло бы большую роль в активизации экономической деятельности самых различных групп населения и повысило бы мобильность местных трудовых ресурсов.

В этом отношении для Средней Азии особенно полезен опыт тех развивающихся стран Востока, которые добились существенного роста продовольственной продукции на путях «зеленой революции». Последняя дала мощный толчок вовлечению аграрного сектора с его огромными хозяйственными ресурсами в процесс экономического роста. Тем самым были созданы предпосылки и для повышения мобильности всех хозяйственных ресурсов, особенно трудовых, до этого в значительной части представлявших собой застойное аграрное перенаселение. Регион имеет свои специфические проблемы, в первую очередь экологические. Но важен принцип: противоречия слаборазвитости могут быть преодолены только при условии последовательного повышения значимости в экономическом развитии того, что можно назвать традиционным сектором хозяйства.

Складывается впечатление, что понимание такой необходимости пробивает себе дорогу в Средней Азии. Переход к новой стратегии осуществляется медленно — во многом из-за жесткой привязки региональной экономики к общесоюзной, работающей на принципах централизованного планирования. Но определенные изменения все же происходят. Например, как можно судить по заявлению Президента Узбекистана И. А. Каримова, в принципе решен вопрос о ликвидации монополии хлопка. За счет сокращения хлопковых посевов решено гарантировать каждой семье по 0,25 га земли, и уже 1,6 млн. семей получили около 165 тыс. га (из них 70 тыс. га орошаемых земель, высвобожденных из-под хлопка). В результате площадь личных подсобных хозяйств увеличилась почти вдвое²⁷.

С 23 ноября 1990 г. в Узбекистане вступил в действие Закон о собственности, признающий равноправие различных форм собственности, включая частную. Но земля остается в исключительной собственности Узбекской ССР и может предоставляться в пожизненное наследуемое владение. Эти ограничения вызваны опасениями, что переход к частной земельной собственности затруднит распределение воды для орошения, а также приведет к появлению «феодально-байских» земельных владений с кабальной эксплуатацией арендаторов и сельскохозяйственных рабочих²⁸.

С этими мотивами можно согласиться. Условия Средней Азии действительно требуют более осторожного отношения к проблеме частной земельной собственности, чем в других регионах страны, где имеются большие массивы заброшенных или плохо обрабатываемых земель. Безусловно, необходимость повышения мобильности земли как хозяйственного ресурса в целях формирования рациональной структуры сельского хозяйства, основанного на оптимальных производственных формах, имеет громадное значение. Но в Средней Азии сложившиеся формы хозяйства аккумулируют гораздо большее аграрное перенаселение, чем в любом другом регионе. И на них держится социальная организация с исключительно сложными, запутанными внутренними связями. Поэтому требуется особая осторожность при изменении форм собственности на землю. Однако равным образом важно в принципе преодолеть отношение к частной земельной собственности только как к источнику ренты, перестать игнорировать ее роль в оптимизации производственных факторов. С этой точки зрения частная собственность на землю не менее важна для оптимизации структуры колхозов и совхозов, чем для развития индивидуальных крестьянских хозяйств.

Преобразование форм собственности — поэтапный процесс, для успеха которого важно учитывать социальные условия, исторически сложившиеся в конкретных сельских районах. К чему может привести пренебрежение таким учетом, постепенностью и взвешенностью принимаемых мер, учит опыт аграрных реформ

²⁷ Известия. 19.XII.1990; Правда. 21.VII.1990.

²⁸ Известия. 25.XI.1990.

в шахском Иране. Общее для этой страны в тот период и для современной Средней Азии заключается в том, что сложившаяся система поземельных отношений и там и тут стала фундаментом, подпиравшим прочные общинные и клановые структуры, реально сочетавшие две жизненно важные функции: организации производства на орошаемых землях и социальной защиты сельского населения. Быстрое насаждение частной земельной собственности в Иране, разрушив эти структуры, создало мощные социальные напряжения, что послужило одной из главных причин общей дестабилизации социальной обстановки в стране и падения режима шаха.

Но и при постепенности реформ все равно необходимо широкое перераспределение земли в целях установления оптимальных пропорций между хлопком и другими культурами, с одной стороны, и между различными формами организации хозяйства (госхозы, кооперативы, крестьянские и фермерские хозяйства) — с другой. И его невозможно будет успешно завершить, если между самими производителями постоянно будет находиться посредник в виде бюрократических структур управления аграрным сектором.

Нельзя также не считаться со сложными формальными и неформальными связями между колхозно-совхозным сектором и крестьянскими хозяйствами. Тут важен поиск наиболее рациональных форм экономических связей, которые способствовали бы общему росту и диверсификации сельскохозяйственного производства, увеличению массы товарной продукции. Надо исходить из того, что укрепление экономической базы крестьянского хозяйства и, как следствие, повышение его трудоемкости помогут улучшить положение в области занятости и обеспечения крупных земледельческих хозяйств сезонной рабочей силой. Конечно, возможно это лишь при том условии, что соотношение между общественным и крестьянским секторами будет оптимизироваться по всем параметрам. Тогда-то симбиоз между ними, ныне в основном проявляющийся в сфере распределительных и перераспределительных отношений, широко распространится и на сферу производства.

Связующим звеном между колхозами, совхозами и семейными хозяйствами может также стать кооперативное строительство на базе производительных сил и собственности общественного сектора ²⁹.

С учетом всего этого большое значение приобретает научная критика концепций регионального развития, отстаивающих необходимость сохранения монокультуры хлопка под предлогом его высокой доходности и трудоинтенсивности. Эти аргументы фактически опираются на устарелые теоретические представления, в соответствии с которыми природно-хозяйственные ресурсы рассматриваются как бесплатные и, следовательно, как бы неограниченные. Отказ от монокультуры хлопка может дать импульс преодолению дезинтегрированности сельско-городского экономического пространства. Расширятся имущественная база сельского населения и сфера его занятости, возрастет потенциал рынка продовольствия. Все это будет содействовать повышению экономической активности и социальной мобильности населения.

Безусловно, успех предлагаемой стратегии вряд ли станет возможен, если планы промышленного развития региона будут, как и прежде, игнорировать реальную обеспеченность его хозяйственными ресурсами. Поскольку рынок не может формироваться только «сверху», а проблема занятости не сводится к нехватке рабочих мест, для подавления дезинтегрирующих экономику факторов необходимо развивать мелкое предпринимательство в промышленности и сфере услуг. При этом постепенно будут изменяться функции неформального сектора, уже сложившегося, но лишённого возможности раскрыть свой потенциал из-за гонений на него ревнителей централизованной нерыночной экономики. Сейчас он поневоле чрезмерно сконцентрирован вокруг дефицита, т. е. на перераспределении дефицитных товаров и услуг, предоставляемых государственным сектором. И потому в нем процветает «теневая» деятельность, сильна криминогенная атмосфера. Проблема состоит в том, чтобы создать условия для нормализации положения в неформаль-

²⁹ См., например: Т. Кабилов. Кооперативное движение в республиках Средней Азии — магистральное направление радикальной аграрной реформы. — Вопросы экономики. 1989, № 5, с. 44.

ном секторе, превращения его в динамичный компонент рыночной экономики, обеспечивающий расширение предложения товаров и услуг для различных социальных групп населения и связь между разными секторами экономики.

И последнее. Все преобразования, объединяемые общей задачей трансформации централизованной экономической системы в регулируемую рыночную, даже при поэтапном их проведении, очень сильно осложняются неимущим (или малоимущим) состоянием большинства населения и массовой бедностью. Мероприятия по перераспределению земли, увеличению числа рабочих мест для местных трудовых ресурсов, расширению сферы экономической активности населения, объема вовлекаемых в нее хозяйственных ресурсов призваны облегчить решение этой проблемы. Но ясно, что все это должно сопровождаться и широкой деятельностью государства по социальной защите низших имущественных групп населения.